

Тамара КОЛЕСНИК-ДОБРИНСКАЯ

Красноярск

Тамара Филипповна Колесник-Добринская — член Союза журналистов России. Профессиональная деятельность связана в основном с газетой «Енисейская правда». В Лесосибирске редактировала газеты «Сибирский город» и «Лесосибирск-7», была редактором регионального фотоиллюстрированного журнала «Откровение», писала очерки о творческих людях земли енисейской. В 2014 году вышла в свет первая книга очерков «С верой, надеждой, любовью». В последние годы публикует очерки и рассказы в альманахах «Русло» и «Новый Енисейский литератор». Дипломант «НЕЛ» в номинации «Очерк, публицистика» за 2017 год и в номинации «Проза» за 2019 год, победитель конкурса короткого рассказа за 2022 год.

ЧЕРНЫШ

— Черныш, ко мне! — подхожу к своему подъезду и слышу за спиной знакомый голос.

Оглянулась и вижу: чёрная, как смоль, собака, стоя на задних лапах, уткнулась носом прямо в лицо соседа с первого этажа. А я Сергея с осени прошлого, 2014 года не видела. Он работал мотористом на теплоходе, летом обычно уходил в плаванье по Енисею, а всю зиму дома. По окончании навигации у речников длительный отпуск до весны. Не знаю, чем в это время занимался мой молодой и неженатый сосед, но был он знатным книгочеем. И интересы в литературе у него были разносторонние. Обычно раз в неделю или чуть пореже он приходил ко мне и просил «что-нибудь почитать». Перечитал всего Пикуля, потом увлёкся романами красноярского писателя Александра Бушкова, начал с «Девочки со спичками» и пока не перечитал все книги, что у меня были, не успокоился. Как-то спросил, есть ли в моей домашней библиотеке «Война и мир» Толстого: мол, в старших классах так и не удосужился целиком роман прочитать, выхватывал только те страницы, где про балы у Элен Курагиной и увлечения Наташи Ростовой было написано. Русская классика, видимо, положительно подействовала на соседа, и он перешёл на Достоевского, Салтыкова-Щедрина и даже на Тургенева...

— Сергей? — удивилась я. — Ты где всю зиму пропал? Я уж думала, что ты уехал куда-то. Вот и собака у тебя появилась. Породистая?

— Ага, — пошутил Сергей, — двортерьер.

...Шёл апрель, почти растаяли снежные сугробы в палисаднике, куда зимой скидывала снег от подъезда наша мужеподобная дворничиха Варвара. Мы присели на скамейку у входной двери; ближе к обеду сюда выйдут погреться под скупым весенним солнышком засидевшиеся зимой в квартирах старички и старушки.

— На Донбассе я был. Воевал вместе с Чернышом, оттуда его и привёз. Думаю, вам-то уж не надо объяснять ситуацию на Украине. С весны прошлого года следил за тем, как киевская власть под видом АТО уничтожает собственных граждан, называя их сепаратистами, террористами, ватниками. Смотрел телевизор и дрожал от негодования и бессилия. Всё мужское население встало на защиту, вступило в ряды народной милиции. В сёлах и городах оставались старики, женщины и дети — вот по ним, по жилым домам, по больницам, детским садам и школам лупили из артиллерии и миномётов. Летом, пока шла навигация, мы всей командой теплохода ловили сигналы по радио — сочувствовали донбассовцам, восхищались мужеством сотрудников народной милиции, простых шахтёров, врачей, учителей, студентов, инженеров. Возмущались тем, что, кроме России, в мире никому нет дела до гражданской войны в бывшей советской республике. В октябре пошёл в отпуск и стал готовиться к поездке на Донбасс: купил несколько смен тёплого белья, шерстяные носки, шапки вязаные, обувь зимнюю; меховой комбинезон и куртку дал знакомый бывший лётчик. В общем, экипировался основательно. Проблема была в том, что в армии я не служил из-за порока сердца и не знал, как меня примут в военкомате. А военком и разговаривать особо не стал: мол, много вас, желающих ехать на защиту русских в Донбассе, но мобилизацию военкомат не проводит. Донецкая и Луганская области — это территория Украины, суверенного государства. И я решил действовать самостоятельно: предупредил капитана теплохода, маму и старшего брата. Никто меня не отговаривал, у виска пальцем не крутил, только мама заплакала... Отпускные при себе, купил билет на самолёт до Ростова, а там до Донецка рукой подать, часа три на автобусе. Найти милицию было несложно, народ в городе дружелюбный, в штабе встретили с пониманием, оперативно оформили добровольцем, накормили и направили к месту службы... в хозчасть. Расстроился сначала — вроде воевать приехал. Но меня быстро вразумили:

помогать населению разгрести завалы, освободить заваленных в погребах женщин с детьми — дело непростое. Я думал: Украина, как буду общаться без знания языка? А там все говорят по-русски, некоторые, правда, хэкают, «шо» вместо «что» говорят. Таких добровольцев, как я, приехавших отовсюду, десятки и сотни. Были парни из Иркутска и Челябинска, белорус, казах, татарин, даже два негра, они здесь в университете учились. И все мы друг друга понимали, общались на русском. Про то, как Украина бомбила, взрывала города и сёла, убивала мирное население двух непокорных областей, нагляделся, рассказывать не буду. Сами знаете. Страшно было, жутко, но смотришь на местных — семнадцатилетних пацанов и семидесятилетних седых мужиков — и поражаешься их стойкости и мужеству. Женщины и молодые девчонки готовили нам еду, сушили и стирали наши вещи... Весь народ — как одна семья.

— А с теми, с солдатами АТО, приходилось встречаться лицом к лицу?

— Встречаться? Нет, не приходилось. Но вот когда уже встал в строй защитников и приходилось «выбивать» противника из окопов, блиндажей, такое было впечатление, что они там давно и надёжно окопались. В землянках нары и лавки, брошенные личные вещи, документы, какие-то брошюры со свастикой, оружие, кучи использованных шприцев... Парни, что воюют уже по полгода, говорят, что «атошники» все обдолбанные, что их специально накачивают наркотой для смелости.

— Сергей, извини, а как ты, не служивший в армии, воевал? Ты, наверное, тогда и стрелять-то не умел?

— Ну, это вы зря! Стрелять из охотничьего ружья, из винтовки-«тозовки» умел лет с двенадцати. Отец, царствие ему небесное, охотником был заядлым, летом или ранней осенью брал меня со старшим братом с собой в тайгу, учил стрелять. У меня на счету не один десяток убитых рябчиков. Как-то летом белку подстрелил, рыженькую такую, маленькую... Тогда хороший втык от отца получил! А моё умение стрелять командир одобрил.

— Сергей, а как у тебя Черныш появился?

Услышав кличку, собака, сидевшая у ног хозяина, чуть приподняла голову, наострила уши и посмотрела в мою сторону.

— Спокойно, Черныш, свои. Посиди, скоро домой пойдём. Он не появился, мой Черныш. Его мне кто-то свыше

послал. Мы двумя группами параллельно передвигались вдоль двух улиц разбитого вдрызг небольшого села, названия его не запомнил. До обеда наши выбили оттуда «атошников», а мы «зачищали» местность. И вот у очередного развороченного дома, от которого остались одна стена и часть забора, видим: у раскрытой калитки сидит привязанная на цепь к столбику, дрожащая от холода тощая псина и смотрит на нас мокрыми от слёз голодными глазами. Я к собаке, а ребята: ты что, Монах, вдруг мина? Какая мина, говорю, наверняка псина, пока силёнки были, всё вокрут уже обтоптала, пытаясь сорваться. Снял цепь, расстегнул ошейник, и мы пошли дальше. Собака, шатаясь, за нами. Завершив работу, вернулись в свой блиндаж, собака присела у входа. Мужики удивляются: смотри, какой пёс деликатный! А я налил в миску остывший суп и позвал: «Черныш, иди обедать». Вот так мы и познакомились. С тех пор, а было это в конце декабря, Черныш воевал со мной — под пулями, под миномётным обстрелом, под бомбами не трусил, не скулил, не выл. Сколько ребят тогда погибло, а меня вроде Черныш оберегал: за три месяца, пока он был рядом, — ни одного ранения. Ребята так и считали: мол, это пёс тебя за спасение благодарит. До конца марта мы с моим другом воевали, дежурили, ели и спали вместе. Отпуск мой заканчивался, пора было возвращаться к мирной жизни, на работу. Черныша я оставить там не мог, хотя и знал, что будут сложности с ним в дороге. Но всё обошлось: проводники в вагоне, узнав, что еду с собакой из Донбасса, безропотно предоставляли место, даже подкармливали Черныша. Попрощался с ребятами как с родными. Знаю: никогда не забуду это боевое братство.

— И ещё один вопрос, Сергей: почему тебя Монахом там звали?

— У нас у всех были позывные, я у многих сослуживцев не знал ни имени, ни фамилии. Познакомился уже перед отъездом. Позывной мне дали сразу, я Монастырёв. А у меня вопрос к вам: нет ли в ваших книжных шкафах книги по истории Украины?

Кроме «Кобзаря» Тараса Шевченко на украинском языке, оставшегося от супруга-украинца, у меня ничего не было. Я подарила Сергею эту старую, в потрёпанной обложке, книгу и посоветовала сходить в городскую библиотеку, поискать там что-нибудь по истории нашей бывшей союзной республики.